

На сцене — Евгений Петросян

В ГОСТЯХ У ВОИНОВ ГСВГ

Вот уже два десятилетия артиста разговорного жанра Е. Петросяна называют в числе «звезд» советской эстрады.

Сколько бы ни появлялось у публики новых кумиров, Е. Петросян неизменно остается по-прежнему — любимым. Зрители знают, что каждая встреча с ним — это радость, веселье, заразительный смех...

Подобное происходило и на концерте в гарнизонном Доме офицеров, после окончания которого наш корреспондент встретилась с артистом и взяла у него интервью.

— Евгений Ваганович, давайте начнем наш разговор с вашей... фамилии: вы однофамилец или родственник известного актера, режиссера и театрального деятеля Георга Петросяна?

— Однофамилец и единственный артист в своей семье. Мать — химик, отец — математик. Мое желание стать артистом одобрения у моих родных сначала не вызвало. Мама даже сказала: «Быть плохим артистом — большое горе и для зрителей, и для самого человека». Но я был увлечен так, что к 12 годам знал репертуар многих актеров нашей страны, а к 15 — изучил историю театра. Потом я занимался в художественной самодеятельности, играл в народном театре, участвовал в кукольных спектаклях Бакинской филармонии, пробовал себя в различных жанрах, искал собственное выражение как артист. Был момент, когда Ю. Завадский предложил мне показаться на худсовете театра, я «показался», получил приглашение выступить с дебютом — и передумал. Эстрада

взяла меня в плен очень сильно, как потом выяснилось, на всю жизнь.

— Евгений Ваганович, какое значение вы придаете «актерским урокам» — в чем вы им следуете, в чем отвергаете? И вообще, что, на ваш взгляд, представляет собой школа в эстраде?

— Мне повезло: моими педагогами были Р. Зеленая, Л. Утесов, М. Миров, Л. Набатов, первый советский конференсье А. Алексеев. Они привили мне массу навыков. Р. Зеленая помогла выработать принцип самоиронии, взгляда со стороны.

Л. Утесов научил создавать контакт со зрителем, добиваться раскрепощенности на сцене.

Советы А. Алексеева касались искусства импровизировать в нужный момент. А знаете, как это важно! Однажды я выступал в летнем театре в Сочи с миниатюрой «Пугало». После слов: «Секретарша у меня сидит... на цепи», на сцену вышла... дворянка. Зал понял, что она не дрессированная, что ее появление — случайность, и буквально стонал от смеха.

Надо было спасать спектакль, и я импровизировал: «Жучка, уйди, снажи, что я занят». И собака ушла! Теперь уже все решили, что эпизод придуман заранее.

У нас, в эстраде, нет своей системы Станиславского, как в театре, (хотя необходимость ее создания давно назрела). Но это не означает отсутствие актерской «школы». Она есть и проявляется именно в тех принципах, о которых я сейчас говорил. Среди наиболее ярких и лучших законов советской эстрады — злободневность, актуальность, сознание артистом своей гражданской позиции, ответственности за судьбу человека. Я, например, не могу говорить со зрителем на темы, которые меня не волнуют. Необходимо самому «испереживать», прежде чем вынести какую-то сценку на эстраду. Вот тогда это и других будет тревожить, брать за сердце.

— Существует такое понятие, как «парный конференс», примеры тому — Миров и Дарский (затем — Новиккий), Тимошенко и Березин. Если бы вы последовали их примеру и решили найти себе партнера, с кем бы мы увидели вас на сцене?

— В 70-е годы я сыграл на телевидении вместе с Л. Гурченко несколько смешных эпизодов. По мнению всех, кто видел то выступление, нами был достигнут «эффект целого дуэта». Гурченко — актриса универсальная, мгновенно реагирующая на мимику, жест,

интонацию, и я получил большое удовольствие, играя с ней. Так что, если бы произошло чудо, и Л. Гурченко рассталась с кинематографом, всецело посвятив себя эстраде, я выбрал бы в партнеры по сцене именно ее.

— Для эстрады пишут многие: Слободской, Жванецкий. Каких авторов предпочитаете вы, чьи миниатюры мы, зрители, слышим в вашей интерпретации наиболее часто?

— В последнее время — это наш ведущий драматург А. Хайт, создатель Кота Леопольда и серий «Ну, погоди!». Нынешняя программа, предназначенная для воинов ГСВГ, подготовлена тоже совместно с ним.

— Насколько я знаю, ваша жена много времени отдает филологии. Отражается ли ее увлечение на оценке ваших работ, подборе сюжетов?

— Жена для меня «домашний критик»: я очень доверяю ее художественному вкусу, нередко следую ее советам, касающимся режиссерского решения.

Впрочем, «домашний» — неверно сказано, точнее — лютый критик! Жена замечает и то, чему другие, даже профессионалы, не придают значения, заставляет меня добиваться максимальной собранности на сцене, полной творческой отдачи, требует искать новые, более яркие приемы в раскрытии образа. Но она же лучше других фиксирует и положительное в моих выступлениях, умеет выделить главное и вдохновить на новый успех.

— Отличается ли Петросян-актер от Петросяна-человека?

— Еще как! Я в жизни большой зануда, и ничего смешного от меня никто дожидаться не может. Иногда приходишь в гости в незнакомый дом — и все в нетерпении: «Ну, сейчас он выдаст!». А «он», то есть я, забивается в дальний угол и весь вечер молчит.

Нет, в жизни я очень скучный: предпочитаю слушать, анализировать, наблюдать. Впрочем, это типично для многих артистов эстрады.

— Какая ваша черта вам самому больше всего нравится?

— Преданность жанру. Увлеченность эстрадой. Фанатизм в работе. Без этой преданности, кстати, артисту невозможно чего-либо достигнуть в искусстве.

— Как вы относитесь к своей популярности? Не мешает ли она вам в повседневной жизни?

— Популярность — это не только известность, но и выражение доверия, которое в свое время завоевал. Удерживать популярность труднее, чем приобрести. Как артист я благодарен зрителям за высокую оценку моей работы. Она и дисциплинирует, и стимулирует к новым поискам. Прекрасно понимаю, что зритель все время ждет чего-то неожиданного, и я не вправе обмануть его надежды. Так что, если быть кратким — популярность помогает.

А вообще, чем отличается моя профессия от других? Я дарю всем радость...

Э. СЛЮСАРЕВА,
корр. «Советской Армии».